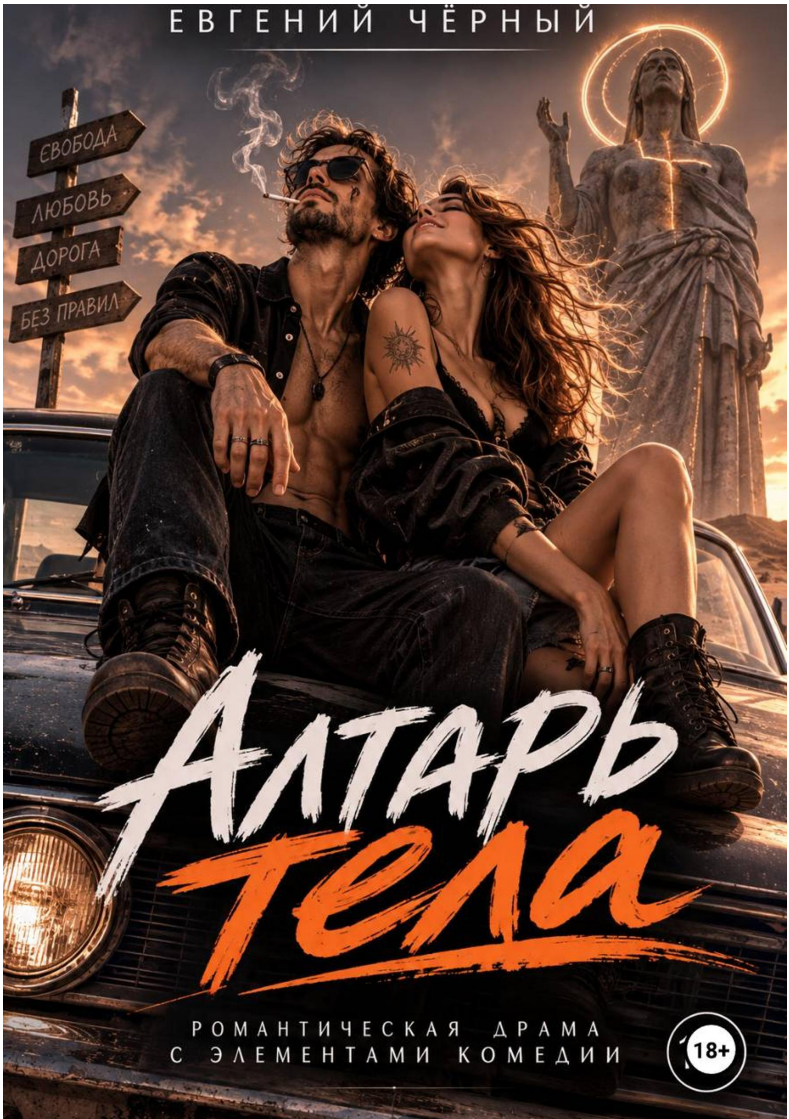

ЕВГЕНИЙ ЧЁРНЫЙ
СВОБОДА
ЛЮБОВЬ
ДОРОГА
БЕЗ ПРАВИЛ
Алтарь тела
РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА
С ЭЛЕМЕНТАМИ КОМЕДИИ
18+

Евгений Чёрный
Алтарь тела

https://litres.ru/74773889
SelfPub; 2026

Аннотация

Артём Воронин — тридцатидвухлетний рок-музыкант из Краснодара. Его брак развалился, а сольный альбом не снискал популярности.

Всё меняется, когда в три часа ночи ему звонит Соня Золотарёва — рыжеволосая студентка-искусствоведка. Она приносит гранатовый сок и объявляет кухню штабом революции. Случайная аудиозапись с гитарным риффом и шепотом взрывает сеть.

Начинается безумная одиссея: милицейские облавы, ночной побег на «Ладе» через кавказские перевалы, торги за шенгенские паспорта на Гранд-базаре в Стамбуле.

Беглецы окунаются в дикий цыганский рок-н-ролл у костров на Балканах, посещают берлинские техно-бункеры, сталкиваются с отказами от контрактов со швейцарскими продюсерами.

Их приключения продолжаются на контейнеровозе в трансатлантическом шторме и заканчиваются покупкой старого школьного автобуса в Лос-Анджелесе. Эта история — о жизни, бунте и свободе.

Содержание

АЛТАРЬ ТЕЛА	4
Остросюжетный роман: психологическая драма и авантюрная комедия	5
Глава 1. Кухонный алтарь и старая клеёнка	13
Глава 2. Ночной перформанс и бдительный третий этаж	20
Глава 3. Квартира-ашрам на Северной	28
Глава 4. Облава в тапках	35
Глава 5. Билет в один конец и старая «Лада»	43
Глава 6. Тбилисские балконы и чахохбили	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Чёрный
Алтарь тела

АЛТАРЬ ТЕЛА

Остросюжетный роман: психологическая драма и авантюрная комедия

Пролог. Чёрный Атлас и кухонный апокалипсис

В три часа ночи мир обычно делится на две неравные категории. Первые спокойно спят, уткнувшись носом в гипоаллергенные подушки с эффектом памяти, и видят предсказуемые сны о повышении процентной ставки по ипотеке, скидках в строительных гипермаркетах и плановом техосмотре кредитного корейского кроссовера. Вторые сидят на узких кухнях панельных хрущевок, смотрят на причудливую трещину в побелке потолка, напоминающую контур Южной Америки, и отчетливо понимают: если прямо сейчас не устроить бунт, к утру душа окончательно превратится в сухой, безжизненный гербарий.

Артём Воронин принадлежал ко второй категории с пугающим, маниакальным постоянством.

Кухня его холостяцкой двухкомнатной берлоги на девятом этаже спального района Краснодара выглядела как идеальная декорация к малобюджетному артхаусному фильму про крушение всех человеческих надежд. Облупившаяся масляная краска на подоконнике помнила еще Олимпиаду восьмидесятого года, пузатый холодильник марки «Орск»

гудел на низкой басовой ноте с периодическим дребезжанием морозильной камеры, словно старый тибетский монах, принявший лишнюю чашу ячменного пива, а на столе, покрытом потертой в углах липкой клеенкой с блеклыми советскими ромашками, стоял граненый стакан с каберне из картонного тетрапака со скидкой тридцать процентов.

Развод с Катей завершился ровно шесть месяцев назад, но его тяжелый радиоактивный след до сих пор фонил в каждом пыльном углу этой квартиры. Катя ушла образцово, с редким кинематографическим размахом: с чувством абсолютного морального превосходства, забрав шестнадцатилетнего сына Даниила, фамильный фарфоровый сервиз на двенадцать персон, подаренный ее тетушкой из Таганрога, и остатки самоуважения Артёма.

«Ты хронический, неизлечимый неудачник, Артём», говорила она в день финального раздела имущества, аккуратно застегивая чемодан из фактурной экокожи цвета слоновой кости. «Твоя музыка никому не нужна в этом городе. Твой рок: это инфантильный вой обиженного на весь белый свет подростка, застрявшего в девяностых годах. Взрослые, ответственные мужчины строят понятную карьеру, берут автокредиты, покупают абонементы в сетевой фитнес-клуб и возят семью в приличные отели Антальи по системе все включено. А ты просто шумишь по подвалам по ночам, водишься с подозрительными личностями и пахнешь старыми гитарными струнами и дешевым табаком».

Она была чертовски убедительна, черт бы ее побрал. Особенно когда говорила про струны. Металлический, сладковатый запах никелевой обмотки действительно въелся в подушечки пальцев левой руки Артёма так глубоко, что его не брало никакое лавандовое мыло, купленное Катей в магазине фермерской косметики.

Пылящаяся в углу комнаты металлическая стойка с концертной аппаратурой молчаливо подтверждала правоту бывшей супруги. Три года назад, собрав последние крохи сбережений, доставшихся от продажи старенького родительского гаража, Артём вложил все до копейки в запись концептуального сольного альбома под названием «Чёрный Атлас». Это был тяжелый, тягучий, полуночный дарк-рок: перегруженные ламповые гитары, гипнотический, первобытный ритм барабанов и хриплый, на грани сорванного крика вокал, рассказывающий о телесной жажде, о прикосновениях, способных выжигать страх, о том, что настоящая человеческая чувственность всегда пахнет надвигающейся грозой, солью и смертельной опасностью.

Коммерческий результат оказался поистине грандиозным: ровно сто сорок два прослушивания на отечественных стриминговых платформах за шесть месяцев ротации. Причем сто сорок из них принадлежали самому Артёму в моменты тяжелейшего похмельного раскаяния, одно прослушивание сделала его двоюродная сестра из Ейска, решившая, что это аудиокнига про садоводство, а последнее принадлежало

случайному слушателю из Нижнего Тагила под ником Железный Шпунт, который оставил в комментариях единственный лаконичный вопрос: «Слышь, мужик, комбик Marshall продаешь или просто выпендриваешься?».

«Превосходный, триумфальный старт для тридцатидвухлетнего независимого артиста», с горькой усмешкой произнес Артём в пустоту ночной кухни, салютуя граненым стаканом портрету Джима Моррисона, пришпиленному канцелярской кнопкой к стене. «Музыкальные критики просто захлебнулись от священного восторга, а продюсеры крупнейших лейблов объявили бессрочную забастовку от черной зависти».

Днем он подрабатывал старшим барменом в заведении под названием «Ржавый гвоздь», расположенном в сыром подвале на улице Чапаева. Там собиралась колоритная публика: бывшие рокеры с одышкой, молодые татуированные бариста, переживающие очередную трагедию неразделенной любви, и скучающие клерки, заливавшие пятничный стресс вишневым элем. Артём разливал напитки, слушал чужие пьяные откровения, а вечерами возвращался сюда, в свою панельную цитадель одиночества, чтобы пить вино и тупо смотреть в темное окно.

Он сделал медленный глоток. Вино кисловато осело на корне языка, оставляя привкус дубильных веществ и несбывшихся надежд. За окном духота кубанской ночи плавила асфальт. В открытую форточку тянуло гарью сухой степной

травы, пылью строящегося торгового центра и далеким, глухим гулом ночной трассы М-4 «Дон».

Именно в эту секунду гробовую тишину квартиры разорвал звонок в дверь. Не вежливый, осторожный щелчок, а наглый, длинный, заливистый трезвон, от которого с побеленного потолка прямо в стакан с каберне упала белая крошка штукатурки.

Артём вздрогнул, едва не выронив посуду. Настенные часы в виде пластмассовой совы с отломанной минутной стрелкой показывали ровно три часа пятнадцать минут. В такое время на пороге квартиры в спальном районе могли материализоваться только три опасные сущности: разгневанные соседи снизу, бдительный наряд патрульно-постовой службы или его собственная алкогольная галлюцинация, окончательно вышедшая из-под контроля.

Он поднялся со скрипучего табурета, натянул растянутую серую футболку с полинявшим логотипом Led Zeppelin и поплелся по темному коридору, шаркая растоптанными комнатными шлепанцами.

Прильнув к дверному глазку, Артём опешил: в круглой выпуклой линзе не было видно ни погон, ни тяжелых милицейских дубинок. Там переливался на свету тусклой площадочной лампочки рыжий взрыв непокорных кудрявых волос, а прямо в центр глазка упирался гигантский карамельный леденец на деревянной палочке, выполненный в форме ярко-красного анатомического сердца со всеми предсердиями

и аортой.

«Воронин, открывай немедленно, я слышу, как у тебя скрипят половицы», раздался из-за металлической двери звонкий, насмешливый женский голос, в котором звенела абсолютная, ничем не обоснованная дерзость. «Я знаю, что ты не спишь и опять занимаешься самобичеванием под звуки своего холодильника. У меня на улице от его вибрации ключи в кармане звенят в тональности ми-минор. Открывай, говорю, у меня для тебя новость континентального масштаба: мы начинаем культурную революцию!»

Артём повернул вертушок массивного замка. Дверь со скрипом распахнулась.

На пороге стояла Соня Золотарева: двадцать четыре года концентрированного стихийного бедствия. Студентка отделения истории искусств местного университета, старший бариста из модной кофейни напротив его бара, обладательница самых ядовито-зеленых глаз во всем Южном федеральном округе и абсолютного иммунитета к правилам приличия. На ней была надета вылинявшая мужская джинсовая куртка поверх короткого черного топа, рваные шорты и армейские ботинки с желтой строчкой, густо покрытые дорожной пылью. В правой руке она победоносно держала карамельное сердце, а в левой: массивную пластиковую канистру на пять литров с темно-бордовой жидкостью, источавшей отчетливый запах свежего граната, сушеной перечной мяты и домашней виноградной чачи двойного перегона.

«Ты в своем уме, Золотарева? Время видела?», глухо прохрипел Артём, пытаясь загородить собой проход в квартиру.

«Время прекрасное, предрассветное, самое продуктивное для свержения замшелых догм», Соня легко отстранила его плечом, ворвалась в прихожую и первым делом бросила критический взгляд на его растрепанную шевелюру и щетину. «Твой альбом „Чёрный Атлас“: это абсолютный шедевр, зарытый в кубанский чернозем. Но ты сидишь на своей кухне и тухнешь, как забытый в тепле холодец. Снимай траурную маску, рокер. Сегодня ночью мы начинаем менять правила игры».

Артём вспомнил день их свадьбы с Катей. Это было десять лет назад. Тогда ему казалось, что любовь способна победить любую бытовую энтропию. Они сняли крошечную студию на Гидрострое, ели жареную картошку прямо со сковороды и мечтали, как его группа соберет Олимпийский. Но с каждым годом в их квартиру незаметно вползала серость. Катя устроилась в отдел кадров крупной девелоперской компании, выучила корпоративный новояз, стала говорить фразами вроде «оптимизация жизненных ресурсов» и «стратегическое позиционирование семьи». Секс превратился в гигиеническую процедуру по расписанию: строго по субботам, после влажной уборки квартиры, при выключенном свете и под звуки работающего увлажнителя воздуха. Любая попытка спонтанности пресекалась укоризненным взглядом: «Артём, веди себя прилично, завтра в девять утра нужно забрать

анализы Даниила».

Музыка в этой стерильной системе координат считалась опасным паразитом. Когда Артём принес домой первую зарплату из бара, Катя молча положила перед ним рекламный буклет курсов по переквалификации в тестировщики программного обеспечения.

«Вот твое будущее», сказала она с холодной материнской заботой. «Три месяца учебы, потом позиция джуниора в банке, через два года стабильная белая зарплата и ДМС со стоматологией. А гитару продай на Авито. В тридцать лет пора взрослеть».

Он не продал гитару. Это была единственная точка невозврата, за которую он держался зубами. И когда Катя подала на развод, забрав сына, Артём почувствовал не только боль потери, но и чудовищную, ледяную пустоту. Будто его выпотрошили, оставив только оболочку.

Глава 1. Кухонный алтарь и старая клеёнка

Соня хозяйничала на его тесной кухне с непринужденностью бывалого латиноамериканского партизана, захватившего вражеский штабной бункер. Она скинула свои тяжелые ботинки прямо посреди узкого коридора, швырнув их в угол к старым коробкам, взлетела босыми ногами на табурет и с глухим победным стуком водрузила на стол пятилитровую канистру с гранатовым настоем.

«Итак, докладываю диспозицию», начала она, описав карамельным сердцем широкий полукруг в воздухе. «Я переслушала твой альбом три раза подряд за последние сутки. Первый раз: на смене в кофейне, пока чистила холдеры от кофейных масел. Второй раз: когда окончательно послала к черту своего занудного кавалера Арсения, который битых два часа на полном серьезе объяснял мне, что эмоциональная привязанность: это пережиток патриархального домостроя, а будущее за осознанными отношениями по тайм-менеджменту в Notion. Третий раз: час назад, когда топала к тебе пешком через весь парк сорок лет Октября».

Артём стоял, привалившись спиной к раковине, скрестив руки на груди, и с нарастающим чувством тревоги наблюдал за тем, как его выстраданный, уютный депрессивный кокон

трещит по всем швам под напором этой рыжеволосой фурии.

«И какой же вердикт вынесла высокая комиссия?», осведомился он, стараясь придать голосу максимум иронии. «Признать автора безнадежным графоманом, сжечь гитару на Театральной площади и отправить на исправительные работы в водоканал?»

«Хуже, Воронин. Гораздо хуже», Соня прищурилась, сверкнув изумрудными глазами. «Вердикт: преступная, вопиющая халатность по отношению к собственному таланту. Ты поешь про плоть, про дрожь, про касания, от которых выворачивает ребра и закипает кровь, но поешь это в пустоту, словно монах-отшельник, запершийся в пещере от искушений мира. Ты вообще смотришь вокруг себя, Артём? Современный мир болен тотальной, парализующей стерильностью. Люди знакомятся в приложениях, свайпают лица, как каталог дешевой мебели, сверяют натальные карты и уровень тревожности, требуют нотариально заверенное согласие на первый поцелуй, а в итоге получают постель, холодную, как операционный стол. Все боятся настоящей страсти, потому что страсть: это риск, это потеря контроля, это возможность разбиться вдребезги».

Она спрыгнула с табурета, подошла к нему вплотную и уперлась указательным пальцем прямо в полинявшую букву на его футболке. От нее исходил пьянящий аромат крепкого кофе, сушеной мяты, девичьего пота и ночного степного ветра. Ее присутствие было настолько плотным, властным и

дразнящим, что у Артёма перехватило дыхание. Вся его циничная броня взрослого, разочарованного жизнью мужчины мгновенно дала глубокую трещину.

«И каков же твой гениальный антикризисный план?», спросил он, чувствуя, как предательски быстро колотится сердце. «Выйти на митинг перед зданием краевой администрации с транспарантом „Верните людям дикую чувственность“?»

«Мы сделаем кое-что невообразимо более дерзкое», ее губы растянулись в торжествующей улыбке. «Мы создадим тайное движение. Подпольный орден чувственности. Храм живого присутствия. Никакой сектантской мути, никаких гуру в белых простынях и благовоний из индийской лавки. Только чистый, бескомпромиссный рок-н-ролл тела и духа. Мы объявим человеческое тело священным алтарем, а искреннюю, свободную страсть: единственной подлинной религией в мире фальшивок. Ты будешь писать гимны и петь их своим хриплым, проклятым, невероятно сексуальным голосом, а я стану нашей верховной жрицей и арт-директором проекта. Мы взорвем это тухлое болото изнутри».

Артём не выдержал и расхохотался. Это был первый искренний, громкий смех, вырвавшийся из его груди за последние полгода.

«Соня, очнись! Это Краснодар. Это столица консервативного благочестия. Здесь за такие проекты не дают премию Муз-ТВ. Здесь собирается казачий сход, заваривает дверь в

подъезд сварочным аппаратом, а основателей ведут под белы рученьки на профилактическую беседу в отдел по борьбе с деструктивными культами!»

«Великолепно!», радостно взвизгнула Соня, хлопнув в ладоши. «Значит, у нас с первой секунды есть безупречный конфликт: живое искусство против казенного ханжества! Преследование: это лучшая раскрутка в истории человечества, спроси у любого христианского мученика или участников группы Sex Pistols! Смотри сюда, фома неверующий».

Она решительным движением сдернула с холодильника старый вафельный фартук, залезла обеими руками в свой холщовый рюкзак и вытащила оттуда тяжелый сверток струящейся, переливающейся в полутьме красной шелковой ткани. Одним царственным, театральным жестом она расстелила этот алый шелк прямо поверх замызганной, потертой кухонной клеенки с ромашками.

«Вот он. Твой первый алтарь», объявила Соня, и в ее голосе прозвучали ноты настоящей жрицы древнего языческого культа. «Кухонный стол в спальном районе. На таких столах в нашей стране рождались диссидентские движения, писались самиздатовские романы и принимались решения, менявшие историю. А сегодня здесь родится новая свобода».

Она достала из кармана складной нож с рукояткой из кости, одним точным движением разрезала пополам спелый, темно-бордовый гранат и положила обе половины в самый центр алого шелка. Блестящие рубиновые зерна брызнули

густым соком, напоминая капли свежей крови на жертвенном камне.

Артём завороженно смотрел на эту картину. В контрасте между убогой кухней с гудящим «Орском» и роскошным алым шелком с гранатом была такая дикая, первобытная поэзия, что у него по спине побежали мурашки.

«Ты сумасшедшая, Золотарева», выдохнул он.

«Я живая, Воронин. И тебя сейчас оживлю», ответила она, заглядывая ему прямо в душу. «Хватит перебирать в голове обиды на Катю. Тащи сюда свой микрофон, подключай шнуры. Мы пишем первый манифест. Прямо сейчас».

Соня тем временем уселась на край кухонной тумбы, с аппетитом захрустев карамельным сердцем.

«Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедшая малолетка, сбежавшая из клуба любителей авангарда?», усмехнулась она, прищурив зеленый глаз. «Я тебе расскажу, Воронин, откуда во мне эта злость. Я три года писала диплом по Караваджо и телесности в искусстве барокко. Мой научный руководитель, семидесятилетний профессор с одышкой, каждый раз морщился, когда я произносила слово „экстаз“. Он требовал писать: „сублимация религиозного аффекта через призму композиционной диагонали“. Понимаешь? Живую, пульсирующую плоть, кровь, страсть они упаковывают в дохлые слова, чтобы не дай бог не почувствовать ничего настоящего! А потом я встретила Арсения. Он был таким правильным мальчиком: пил комбучу, читал лекции по экофеми-

низму, ходил на психотерапию и постоянно говорил о личных границах. Но когда мы оказывались в постели, он вел себя так, будто заполняет налоговую декларацию! „Соня, тебе комфортен этот угол наклона? Соня, оцени уровень своей тревожности по десятибалльной шкале“. Я выла в подушку от тоски! Я хотела укусить его за плечо, хотела, чтобы он забыл все свои умные книги и просто захотел меня как зверь! Но он боялся. Они все боятся. Мужчины разучились быть дикими, женщины разучились быть принимающими. Все сидят в своих стеклянных башнях и лайкают чужие отретушированные задницы в соцсетях».

Она спрыгнула с тумбы, подошла к старому оконному стеклу и провела пальцем по пыльной раме.

«И тут я слышу твой альбом. Этот вой, этот скрежет струн, эту первобытную тоску по настоящему. Ты не боишься быть неловким, не боишься показаться смешным или грубым. В тебе есть то, чего нет во всем этом пластиковом городе: жизнь. И я не позволю тебе закопать это в землю».

Соня тем временем принялась методично инспектировать кухонные шкафчики Артёма. Она открывала дверцы с легким скрипом, заглядывая в недра полок с выражением лица судебного пристава:

«Так, что тут у нас из провизии для будущей революционной ячейки? Пачка овсяных хлопьев „Геркулес“ со сроком годности до позапрошлого года, банка с единственным засохшим лавровым листом и трехлитровая банка домашней

абхазской аджики, в которой, судя по запаху, можно растворять титановые болты. Воронин, ты питаешься как монах во время осады монастыря татаро-монголами. Неудивительно, что твои песни полны экзистенциальной тоски: на такой диете любой станет Ницше».

«Аджика, между прочим, отличная», буркнул Артём. «Ее мне тетка из Гагры передала. Ложка аджики на стакан томатного сока: и похмелье снимает как рукой».

«Мы заменим твою аджику соком живой страсти», Соня налила в два граненых стакана густой гранатовый концентрат из канистры. «Пей. Это наш ритуальный напиток. Запомни этот терпкий вкус: это вкус границы, за которой кончаются сомнения».

Они чокнулись гранеными стаканами. Звон стекла прозвучал чисто и звонко, словно колокольный удар в пустом храме. Напиток обжег горло приятной кислинкой, прокатился по венам теплом мяты и крепкого виноградного спирта. Артём посмотрел на Соню: ее губы окрасились в темно-вишневый цвет, глаза горели лихорадочным, заразительным восторгом. В этот миг он понял, что готов идти за ней хоть в огонь, хоть на эшафот, потому что рядом с ней мир вокруг впервые за много лет перестал быть плоским и черно-белым.

Глава 2. Ночной перформанс и бдительный третий этаж

Через двадцать минут кухня окончательно утратила сходство с помещением для варки пельменей. Артём, повинуясь какому-то необъяснимому внутреннему порыву, извлек из антресолей свой лучший студийный конденсаторный микрофон Shure SM7B на массивной коленчатой стойке, установил его у края стола и подключил к звуковой карте Focusrite Scarlett. Соня тем временем выключила верхний безжалостный свет люстры и зажгла четыре толстые восковые свечи, расставив их по углам подоконника между банкой соленых огурцов и засохшим алоэ.

Тени мгновенно ожили, заплясали по стенам, превращая унылую штукатурку в своды катакомбного храма. Воздух наполнился сладковатым запахом горячего пчелиного воска, ароматом терпкого граната и легким шлейфом мятной настойки из канистры.

«Надевай наушники», скомандовал Артём, протягивая Соне профессиональные мониторы Sony MDR-7506. «Если уж делать глупости, то с безупречным студийным качеством».

Соня надела наушники, и ее рыжие кудри рассыпались по черным амбушюрам. Она прикрыла глаза, сосредоточилась,

и все ее лицо преобразилось: исчезла насмешливая студентка, осталась женщина, знающая какую-то древнюю, опасную тайну.

Артём сел напротив нее на табурет, взял в руки свою старенькую акустическую гитару с корпусом из массива красного дерева. Пальцы, загрубевшие от струн, коснулись металла. В наушниках ожил теплый, кристально чистый звук.

Он начал играть. Это не была эстрадная песня. Это был низкий, синкопированный, пульсирующий рифф в строе Drop D: тягучий, как патока, тревожный, как стук сердца перед прыжком в бездну, полный неприкрытого эротического напряжения. Звук нарастал, заполняя пространство кухни, вибрируя в чашках на сушилке и отдаваясь в самом низу живота.

Соня пододвинулась ближе к микрофону. Ее губы находились в паре сантиметров от ветрозащиты. Когда она заговорила, ее голос, бархатный, низкий, с легкой соблазнительной хрипотцой, сплелся с гитарным риффом так идеально, будто они репетировали этот номер десять лет.

«Слушай меня, город из бетона и страха», шептала она в мембрану, и каждое ее дыхание отдавалось в наушниках интимным, обжигающим жаром. «Мы слишком долго жили по чужим инструкциям. Нам внушали, что тело греховно, что желание постыдно, что близость должна быть одобрена общественным мнением, одобрена штампами в паспортах и протоколами приличий. Мы отрекаемся от этого морока. Мы

возвращаем себе право на первобытный экстаз. Наше тело: это не биологическая машина для добывания денег. Наше тело: это храм, где каждое прикосновение является священным гимном».

Артём подхватил ее слова вокалом: его хриплый, прокуренный тембр взмыл вверх, переходя от сдавленного шепота к мощному, гипнотическому речитативу. Он пел о жажде кожи, о вкусе соли на девичьих ключицах, о ночах, когда стираются границы между двумя людьми, превращая их в единое пламя.

Соня открыла глаза и уставилась на него в упор. В полумраке свечей ее зеленые зрачки казались огромными, бездонными омутами. Она медленно потянулась рукой через стол, коснулась кончиками пальцев обнаженного предплечья Артёма.

Удар тока. Настоящий, соматический разряд высокого напряжения прошил его тело от кончиков пальцев до затылка. Кожа под ее пальцами вспыхнула пожаром. Артём сбился с ритма на долю секунды, но тут же подхватил тему с удвоенной яростью. Музыка переросла в исступленный шаманский танец звуков: гитара стонала, дыхание Сони становилось все более прерывистым, ее щеки пылали румянцем, капли гранатового сока блестели на ее тонких губах.

Они подошли к эмоциональной и чувственной кульминации трека. Казалось, воздух на кухне сгустился до состояния плазмы. Еще мгновение, и стены этой хрущевки просто рас-

творятся в ночном небе.

И тут разверзлись хляби небесные.

Снизу, прямо из-под линолеума, сквозь бетонное перекрытие девятого этажа, раздался сокрушительный, яростный металлический грохот.

ДОН! ДОН! ДОН! ТА-РА-РАХ!

Чугунная радиаторная батарея отопления зазвенела на высокой визгливой ноте, выбрасывая фонтанчики вековой пыли из щелей.

«Воронин, окаянный антихрист!», донесся из вентиляционного короба истошный, натренированный на советских колхозных рынках голос Клавдии Степановны с третьего этажа. «Опять чертей мохнатых вызываешь посреди ночи?! Я участковому уже в третий раз звоню, наряд с собаками едет! Прекрати свои оргии, сатанист проклятый, весь дом от твоих стонов ходуном ходит, у меня люстра хрустальная второй час раскачивается!»

Артём судорожно прижал ладонь к струнам, глуша звук. Музыка оборвалась на полуслове. В наушниках повисла оглушительная тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием Сони и методичными ударами деревянного черенка в чугунную трубу снизу.

«Кажется, наша конгрегация расширяется быстрее, чем мы планировали», совершенно невозмутимо произнесла Соня, медленно снимая наушники и облизывая нижнюю губу. «Клавдия Степановна демонстрирует потрясающее чувство

ритма. Шестнадцать ударов в минуту: классический погребальный марш инквизиции».

«Она не просто демонстрирует ритм, она сейчас вызовет ОМОН», Артём схватился за голову. «У нее племянник в городском управлении внутренних дел. Ты не знаешь эту женщину. Она в девяносто третьем году лично разогнала собрание свидетелей Иеговы во дворе с помощью ведра с хлоркой!»

Не успел он закончить фразу, как в тишине прихожей раздался тяжелый, размеренный казенный стук кулака в железную дверь.

БУМ. БУМ. БУМ.

«Полиция! Откройте, иначе будем ломать дверь согласно закону о полиции!»

Соня моментально спрыгнула с табурета, поправила на плечах алый шелк, как королевскую мантию, и заговорщически подмигнула побелевшему Артёму:

«Спокойствие, маэстро. Первый раунд за нами. Встречаем карательную систему лицом к лицу. И не забудь сделать загадочное лицо: мессия не должен выглядеть испуганным второгодником».

Артём настраивал гитару. Нижняя струна никак не хотела вставать в чистую ре, плыла под пальцами, словно сопротивляясь насилию.

«У нас нет поп-фильтра для микрофона», заметил он, разглядывая блестящую металлическую решетку Shure.

«Взрывные согласные будут бить по ушам, как молотком по наковальне».

«Минуточку», Соня полезла в карман своей объемной джинсовой куртки и вытащила пару тончайших красных шелковых чулок, совершенно новых, с ценником магазина интимных товаров. «Держи. Натяни на решетку. Во-первых, идеальное рассеивание воздушного потока, во-вторых: правильная энергетика».

Артём остолбенел:

«Ты носишь с собой шелковые чулки в три часа ночи?»

«Я искусствовед, Воронин. Я всегда готова к неожиданному перформансу», парировала она, даже бровью не поведя.

Через две минуты микрофон, обтянутый алым шелком, выглядел как экспонат выставки современного сюрреализма в центре Помпиду. Когда Артём запел первые строки, шелк мягко отфильтровал свистящие звуки, придав вокалу бархатную, интимную плотность. Казалось, он поет не в микрофон, а прямо в обнаженную ключицу Сони.

А за стеной тем временем просыпался весь подъезд.

На четвертом этаже отставной майор танковых войск Кузьмич проснулся, сел на кровати и, прислушавшись к низким гитарным вибрациям, скомандовал спросонья жене: «Люся, надевай бронежилет, по нам работают тяжелые гаубицы!».

На пятом этаже студент-третьекурсник биологического факультета Гоша, готовившийся к пересдаче по гистологии,

оторвал голову от микроскопа, вслушался в эротический шепот Сони, доносящийся сквозь вентиляцию, и с благоговением прошептал: «Господи, если это не богиня Афродита явилась в Краснодар, то я окончательно переучил цикл Кребса».

И только Клавдия Степановна на третьем этаже действовала без колебаний: ее швабра работала как паровой молот Путиловского завода.

Пока они сидели в полумраке кухни, ожидая приезда наряда, Артём снова надел наушники и включил только что записанную дорожку. В темноте, при колеблющемся пламени свечей, звук казался осязаемым физически.

В записи было слышно все: мельчайшее шуршание ее одежды, дрожь в голосе, когда она произносила слова о телесной правде, неровный стук его собственного сердца, пойманный высокочувствительным капсюлем микрофона. Это была не просто музыка. Это был акустический слепок их взаимного притяжения, интимный документ, зафиксировавший рождение чего-то огромного, пугающего и прекрасного.

Соня подошла сзади, опустила подбородок ему на плечо, заглядывая в экран ноутбука:

«Слышишь? На третьей минуте, когда ты берешь баррэ на седьмом ладу, твой голос срывается в шепот. В этот момент любой слушатель поймет: здесь нет притворства. Здесь мужчина хочет женщину так сильно, что готов сжечь за собой все мосты».

«Я не просто хочу тебя, Золотарева», негромко сказал Ар-

тём, не оборачиваясь. «Я, кажется, впервые в жизни понимаю, ради чего вообще стоит петь».

Она ничего не ответила, лишь крепче сжала его плечи, и ее горячее дыхание коснулось его шеи, оставив на коже след, который не смоет никакое время.

Глава 3. Квартира-ашрам на Северной

На лестничной клетке разворачивалась классическая картина провинциального правосудия. Участковый лейтенант Майоров переминался с ноги на ногу, держа под мышкой потертую дерматиновую папку, а рядом с ним, нахохлившись, как оскорбленный коршун, стояла Клавдия Степановна в своем неизменном леопардовом халате, сжимая в руках деревянную швабру на манер рыцарского копья.

«Вот, глядите, товарищ лейтенант!», победоносно заверещала пенсионерка, тыча черенком швабры прямо в нос Артёму. «Вышел, ирод волосатый! Глаза мутные, рожа помятая, а за спиной девка полуголая в простыне мечется! Я вам говорила: у них там секта тоталитарная! Стонут, воют, в бубны бьют, жертвы приносят! У меня кот от их музыки под диван забился и третий час оттуда не выходит!»

Лейтенант Майоров тяжело вздохнул, сдвинул фуражку на затылок и посмотрел на Артёма взглядом святого великомученика.

«Воронин, ну имей совесть», тихо, почти умоляюще произнес офицер. «Пять утра. Я дежурю третьи сутки без сна. У меня дома жена на сносях и отчет по незаконному обороту алкоголя горит синим пламенем. А тут опять твоя квартира

всплывает в сводках. Что вы тут устроили?»

«Товарищ лейтенант, мы занимаемся экспериментальным звуковым искусством в рамках грантовой программы», Соня грациозно выплыла из полумрака прихожей, скрестив руки на груди. «Клавдия Степановна, при всем уважении к вашему коту, наши низкочастотные волны нормализуют сердечный ритм и выводят токсины из печени. Хотите глоток антиоксидантного гранатового эликсира? Никакого алкоголя, чистая соматика».

Участковый медленно перевел взгляд на половинки граната на столе, на горящие свечи, на шелковую ткань и на босые ноги Сони.

«Так, граждане служители прекрасного», Майоров потер переносицу. «Штраф за нарушение закона о тишине я вам выписывать пока не буду: бланки кончились. Но если через пять минут эта богадельня не стихнет, я лично приеду с нарядом ППС, заберу гитару на ответственное хранение, а вас отправлю на освидетельствование в наркодиспансер. Клавдия Степановна, пошли на ваш третий этаж, я у вас объяснение отберу. Пошли, ради Христа».

Когда дверь закрылась, Соня рухнула на табурет и расхохоталась до слез.

«Это триумф, Воронин! Мы записали шедевр, получили боевое крещение и избежали изолятора! Включай мониторы, я свожу трек!»

К вечеру того же дня трехминутная аудиозапись под на-

званием «Гимн кухонного алтаря», сопровождаемая короткой пояснительной запиской Сони о праве человека на телесную искренность, была опубликована в только что созданном анонимном телеграм-канале «Алтарь Тела».

То, что произошло дальше, не поддавалось никакому рациональному объяснению.

За следующие сорок восемь часов трек разлетелся по студенческим чатам, закрытым каналам дизайнеров, архитекторов и психологов Краснодара, Ростова и Сочи. Число подписчиков перевалило за пятнадцать тысяч. Сочетание гипнотического гитарного саунда, страстного вокала Артёма, обжигающего шепота Сони и того самого, идеально попавшего в ритм удара швабры Клавдии Степановны по чугунной трубе создало эффект разорвавшейся бомбы. Люди устали от пластиковой попсы и приторного коучинга. Они хотели настоящей, пульсирующей жизни.

В пятницу ровно в девятнадцать ноль-ноль у подъезда хрущевки собралась толпа.

Их было тринадцать человек: первые смельчаки, откликнувшиеся на призыв в канале прийти на «открытую беседу без цензуры и стыда».

Артём открыл дверь и замер. Впереди стоял Макс: долговязый, вечно лохматый гений андеграундного звука с пакетом свежей шаурмы и огромным профессиональным микшером в чехле. Рядом робко поправляла очки аспирантка филфака Полина, судорожно прижимавшая к груди томик

Жоржа Батая. За ними возвышался Влад: персональный тренер высшей категории из элитного фитнес-клуба, двухметровая гора рельефных мышц с детскими, напуганными глазами. Чуть поодаль стоял Кирилл: ведущий программист финтех-стартапа с бледным лицом и нервным тиком, а рядом: хрупкая Инга, бывшая прима краевого театра балета, опиравшаяся на трость после тяжелой операции на мениске.

«Входите, апостолы плоти!», Соня распахнула дверь настежь, сияя улыбкой хозяйки бала. «Обувь бросайте в угол, рассаживайтесь на ковре, маски успешных людей оставляйте за порогом!»

Кухня и смежная комната мгновенно превратились в штаб-квартиру самого странного духовного эксперимента в истории Кубани. Поскольку мебели катастрофически не хватало, тринадцать гостей разместились прямо на полу, устланном старыми покрывалами и туристическими ковриками. В центре комнаты, на красном шелке, дымился огромный трехлитровый эмалированный чайник с отваром чабреца, зверобоя и мяты, стояла ваза с сушками и возвышалась неизменная канистра Сони.

Первый час разговор не клеился. Кирилл судорожно проверял корпоративный мессенджер Slack, Полина сыпала сложными цитатами из Жака Лакана, пытаясь защититься интеллектом от чужих взглядов, а могучий Влад стеснялся даже взять сушку, боясь нарушить дневную норму углеводов.

Но потом Артём молча взял гитару, сел в круг и заиграл тягучую, простую мелодию. А Соня села в центр и тихо сказала:

«Забудьте, кем вы работаете. Забудьте, сколько вы зарабатываете. Скажите честно: когда в последний раз вы чувствовали, что вас хотят целиком, а не используют как функцию?»

И плотина рухнула.

Первым заговорил Кирилл. Голос программиста дрожал:

«Я три года живу в режиме идеального гражданина. Спортзал по вторникам, психотерапевт по четвергам, свидания в Тиндере по субботам. Но каждый раз, когда я остаюсь наедине с женщиной, я чувствую себя роботом. Я считаю пульс, думаю о квартальном отчете и больше всего боюсь, что она увидит, насколько я пуст внутри. Я разучился просто чувствовать тепло кожи».

Полина сняла очки и заплакала:

«А я всю жизнь учусь быть идеальной отличницей. Я знаю шесть языков, пишу диссертацию, но когда мужчина касается моей руки, я сжимаюсь от ужаса. Мне кажется, что мое тело: это уродливая оболочка, которую нужно прятать».

Влад, опустив могучую голову, признался, что качает железо по четыре часа в день только ради того, чтобы заглушить панический страх быть отвергнутым:

«Все думают, что я альфа-самец. А я по ночам просыпаюсь от того, что задыхаюсь от одиночества».

Люди говорили, плакали, смеялись, сбрасывая с себя слои

социального лицемерия. Соня не читала проповедей: она просто держала каждого за руку, учила дышать животом, смотреть друг другу в глаза без оценивания и стыда. Возникло невероятное, очищающее соматическое поле. Никакой пошлости, никакого разврата: только возвращение живого человеческого достоинства и чувственного тепла.

Когда за окном забрезжил рассвет, тринадцать человек сидели в обнимку, чувствуя себя заново рожденными.

«Это бомба, Воронин», прошептал Макс, перебирая провода. «Ты создал пространство, за которым люди пойдут сквозь любые кордоны. Потому что они истосковались по правде».

Разговор в квартире-ашраме продолжался до самых рассветных сумерек.

Инга, бывшая балерина, сидела на полу, поджав больную ногу, и гладила пальцами деревянную трость:

«В театре нас учили, что тело: это инструмент, который нужно ломать ради идеальной линии. Нас взвешивали каждое утро перед репетицией. Лишние триста граммов: позор, лишение сольной партии, презрение балетмейстера. Я научилась ненавидеть свое тело. Я морила себя голодом, пила мочегонные таблетки пачками. Когда на генеральном прогоне хрустел мениск, я думала только об одном: слава богу, этот кошмар кончился. Десять лет я не могла подойти к зеркалу без отвращения. Мне казалось, что если я не на пуантах, я просто мешок с мясом и костями. А сегодня... я послушала

вашу музыку, села с вами рядом, закрыла глаза и впервые за десять лет почувствовала, что моя нога, моя кожа, мое дыхание: это красиво. Без оценок. Без криков худрука».

Макс слушал, забыв про остывшую шаурму, и методично настраивал аналоговый ленточный дилей на своем пульте:

«Знаешь, Артём, я десять лет кручу ручки в клубах. Ко мне подходят пьяные мажоры, суют пятитысячные купюры и требуют поставить треки про тачки и кальянный дым. Вокруг ходят надутые девочки с одинаковыми губами и пустыми глазами. Все делают вид, что им весело, все снимают сторис для соцсетей, но стоит выключить свет, в зале пахнет мертвечиной и страхом. То, что мы делаем на этой кухне: это спасательный плот для утопающих».

Соня наливала чай из эмалированного чайника, подкладывала сушки в тарелки и смотрела на Артёма с немой гордостью:

«Видишь, Воронин? Твоя музыка нужна не стримингам с их алгоритмами. Она нужна живым людям. Потому что она возвращает им душу».

Глава 4. Облава в тапках

Утро воскресенья встретило их обманчивым, безмятежным золотым светом, льющимся сквозь немытые окна хрущевки. Гости разошлись около шести утра, оставив после себя гору пустых чайных кружек, искренние объятия и стойкое ощущение, что мир наконец-то сдвинулся с мертвой точки.

Соня сладко спала на разложенном продавленном диване в комнате, с головой укутавшись в старый клетчатый плед Артёма. На ее лице, лишенном косметики, играла детская, умиротворенная улыбка, а рыжие волосы разметались по подушке ярким огненным ореолом.

Артём стоял у плиты в одних тренировочных штанах и серой футболке, бережно помешивая медной ложечкой кофе в турке. Впервые за долгие месяцы после развода он не ощущал привычной сосущей тоски под ложечкой. В его голове рождались новые мелодии: дерзкие, свободные, живые.

Идиллию разорвал резкий, лязгающий скрежет отмычки во входном замке.

Артём замер с туркой в руке. Замок щелкнул один раз, затем второй, и тяжелая железная дверь распахнулась настежь, ударившись ручкой о стену коридора.

В квартиру уверенным строевым шагом вошли четверо мужчин.

Впереди шествовал плотный, кряжистый мужчина лет со-

рока пяти в безупречно отглаженном темно-синем костюме, несмотря на тридцатиградусную жару, с узкими колючими глазками опытного инквизитора и пухлой кожаной папкой под мышкой. За ним виновато семенил лейтенант Майоров, старавшийся не смотреть Артёму в глаза. Следом двигался крепкий парень в черной тактической футболке с надписью «Спецсвязь», несший объемистый металлический чемодан с криминалистическим оборудованием. Замыкал шествие понятой: помятый мужичок в семейных трусах, старых шлепанцах на босу ногу и с ведром, полным картофельных очисток, которого явно перехватили на лестничной клетке при попытке вынести мусор.

«Воронин Артём Сергеевич?», отчеканил гражданин в костюме голосом, не допускающим никаких возражений. «Майор юстиции Степанцов, управление по противодействию экстремизму и контролю за деятельностью деструктивных религиозных объединений. На основании постановления следственного комитета проводим безотлагательный осмотр места происшествия по факту организации несанкционированного псевдорелигиозного культа и пропаганды аморального образа жизни».

Кофе в турке мгновенно вздулся коричневой шапкой и с шипением залил газовую конфорку, наполнив кухню запахом жженой арабики.

«Какой еще культ? Какое происшествие?», Артём шагнул в коридор, перекрывая проход в комнату. «Вы ворвались в

частную собственность без ордера! Мы кофе пьем!»

Из комнаты, зевая и потягиваясь с грацией сытой пантеры, вышла Соня. На ней была только мужская фланелевая рубашка Артёма, едва прикрывавшая стройные бедра, а на лице не было ни малейшего намека на испуг: только откровенное, издевательское любопытство.

«Ой, а у нас гости!», пропела она, прислонившись плечом к дверному косяку. «Доброе утро, карательный батальон морали! Вы к утренней молитве или сразу к причастию гранатовым соком?»

Майор Степанцов побагровел, его челюсти сжались с глухим хрустом.

«Гражданочка, немедленно приведите себя в подобающий вид!», рявкнул он, отводя глаза. «Лейтенант Майоров, приступайте к фиксации вещественных доказательств антиобщественной деятельности!»

Следующие два часа превратились в грандиозный, абсурдный спектакль советско-российского бюрократического маразма.

Майор Степанцов лично ходил по скромной двухкомнатной хрущевке, методично заглядывая под диван, в бельевой шкаф, в кастрюлю со вчерашними макаронами и даже в бачок унитаза, диктуя лейтенанту Майорову пункты протокола выемки:

«Пункт первый: в ходе осмотра кухни обнаружен предмет культового назначения, предположительно используемый в

качестве ритуального алтаря, а именно: отрез ткани шелковой алого цвета размером полтора на два метра со следами пятен органического происхождения темно-бордового оттенка...»

«Майор, вы дальтоник?», весело вставила Соня, устроившись на подоконнике и болтая босыми ногами. «Это гранат сорта Гюлейша! Мы им завтракали! Запишите в протокол: органика высшей категории, содержит витамин С и укрепляет сосуды головного мозга, что вам крайне необходимо!»

«Гражданка Золотарева, прекратите препятствовать следственным действиям!», прорычал Степанцов, сжимая кулаки. «Пишите, Майоров: две половины плода граната в стадии биологического усыхания, используемые в качестве жертвоприношений языческого толка. На подоконнике зафиксированы четыре огарка восковых свечей неустановленной конфессии. В жилой комнате обнаружены профессиональный микрофон Shure американского производства и персональный компьютер Apple MacBook, посредством которых указанные лица осуществляли вербовку молодежи через социальные сети и распространяли деструктивный контент чувственного характера».

Понятой с мусорным ведром с нескрываемым благоговением разглядывал гитару Gibson, переминаясь с пятки на носок:

«Слышь, командир, а гитарка-то зачетная. У меня племяш на такой в переходе „Сектор Газа“ лабает...»

«Понятой, не отвлекайтесь!», оборвал его майор. Он подошел к Артёму вплотную. Глазки Степанцова буравили музыканта с неприкрытой классовой ненавистью:

«Думаешь, самый умный, Воронин? Думаешь, назвал свою лавочку „Алтарём Тела“ и можешь безнаказанно разлагать нравственные устои молодежи? Мне Клавдия Степановна всю подноготную вашу выложила: собираете тут по ночам студентов, поете антигосударственные песни, проповедуете свободную любовь и неподчинение авторитетам! Мы твой телефон уже поставили на прослушку. Всю аппаратуру изымаем на экспертизу. Эксперты найдут там и экстремизм, и пропаганду порнографии, я тебе гарантирую. А тебе и твоей подружке: вот повестка на вторник, на девять ноль-ноль в следственное управление. Попробуете дернуться из города: объявим в федеральный розыск. Паспорта приготовьте к проверке».

Когда тяжелая железная дверь наконец захлопнулась, унося с собой изъятый ноутбук, звуковую карту, микрофон и несчастную красную скатерть, в разгромленной квартире повисла мертвая тишина.

Артём медленно опустился на пол в коридоре, глядя на пустой угол, где еще утром стояла его аппаратура.

«Вот и все», глухо произнес он. «Приехали. Экспертиза у Степанцова карманная. Во вторник нам предъявят обвинение по части второй: создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан. От трех до

шести лет общего режима. Катя была права: я законченный идиот, который умудрился сломать жизнь не только себе, но и тебе».

Соня подошла к нему, опустилась на колени, взяла его лицо в свои теплые ладони и заставила посмотреть себе в глаза. В ее взгляде не было ни капли страха: только яростный, обжигающий огонь непокорности.

«Замолчи, Артём», твердо сказала она. «Слушай меня внимательно. Никаких допросов у Степанцова не будет. Никаких колоний. Они пошли войной на нас, потому что их мир серый, мертвый и трусливый. Они боятся одного твоего взгляда и моей улыбки. Мы уходим сегодня ночью. У нас есть музыка, у нас есть гитара, которую ты спрятал на антресолях, и у нас есть мы. Мы покажем им, что такое настоящий Алтарь Тела».

Пока лейтенант Майоров под диктовку майора Степанцова заносил в протокол гранатовые корки и огарки свечей, между Соней и грозным представителем следственного комитета завязалась захватывающая философская дискуссия.

«Гражданин майор», невинно поинтересовалась девушка, наблюдая, как чекист брезгливо переворачивает карандашом томик стихов Бодлера. «Скажите, а согласно какой статье Уголовного кодекса Российской Федерации объятия двух совершеннолетних граждан в жилом помещении признаются общественно опасным деянием?»

Степанцов замер, насупил густые брови и повернулся к

ней всем массивным корпусом:

«Не умничай, студентка. Есть статья двести тридцать девятая: создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей!»

«И кому же мы причинили вред?», Соня всплеснула руками. «Может быть, нашему соседу с четвертого этажа, у которого впервые за двадцать лет нормализовалось давление от звуков бас-гитары? Или Клавдии Степановне, которая благодаря своей швабре выполнила недельную норму физической активности для пенсионеров?»

Понятой с мусорным ведром не сдержался и громко хрюкнул от смеха, за что тут же получил испепеляющий взгляд майора.

«У нас есть свидетельские показания», отчеканил Степанцов, постучав пальцем по кожаной папке. «Жильцы дома пишут, цитирую дословно: „На девятом этаже гражданин Воронин систематически организует оргии эротического толка под видом восточных медитаций, вовлекая неокрепшие умы молодежи в разврат и неповиновение традиционным ценностям“. Ваши аудиофайлы изъяты. Специалисты психолого-лингвистической экспертизы установят наличие признаков деструктивного суггестивного воздействия. Так что советую готовить сухари, Воронин. И хорошего адвоката. Хотя

хороший адвокат при такой доказательной базе вам вряд ли поможет».

Когда оперативная группа удалилась, лейтенант Майоров задержался в дверях на несколько секунд, воровато оглянулся на лестницу и быстро сунул Артёму в руку клочок бумаги:

«Воронин, держи. Это телефон моего двоюродного брата в Батайске, он занимается авторазборкой. Если надумаешь валить из города: звони ему, он подскажет объездные дороги без постов ДПС. Степанцов злой как собака, ему за раскрытие секты подполковника обещали. Он вас живьем сожрет».

Глава 5. Билет в один конец и старая «Лада»

Операция по тайной эвакуации создателей нового культа из Краснодара вошла бы в учебники конспирации, если бы в ней присутствовала хоть капля здравого смысла.

Макс, приняв сигнал тревоги в мессенджере («Инквизиция конфисковала скатерть, объявляется план перехват»), сработал с эффективностью старого подпольного диверсанта. Ровно в полночь к темному торцу дома бесшумно, с выключенными габаритами подкралась его боевая «Лада Калина» цвета перезрелого баклажана. Бесшумно подкрасться, впрочем, не получилось: глушитель у отечественного болида прогорел еще прошлым летом, поэтому машина сотрясала окрестные дворы низким, утробным рычанием реактивного бомбардировщика на взлете.

«Быстро прыгайте!», прошипел Макс, распахивая заднюю дверь. «У меня на хвосте никого нет, но участковый живет через два квартала, если его теща услышит мой глушитель, она вызовет вертолет перехвата!»

Артём и Соня выскользнули из подъезда с грацией беглых каторжников. Их багаж был минималистичен до крайности: чехол с любимой гитарой Gibson Les Paul Studio, чудом уцелевший на антресолях во время обыска, портатив-

ный четырехканальный рекордер Zoom H6 с запасным комплектом батареек, два набитых холщовых рюкзака с теплыми вещами, документы и пятилитровая канистра с остатками гранатового концентрата.

«Соня, ради всего святого, брось эту канистру в кусты!», взмолился Артём, пытаясь впихнуть чехол с гитарой между детским креслом и ящиком с автомобильными ключами.

«Ни за что!», решительно отрезала девушка, запрыгивая на переднее сиденье и натягивая на нос огромные солнцезащитные очки в белой оправе, несмотря на кромешную полночь. «Это наш стратегический запас сакральной субстанции! К тому же, в дороге нужны микроэлементы. Макс, жми на газ, курс: на Кавказские горы и Верхний Ларс!»

«Лада» всхрапнула, выплюнула из выхлопной трубы клуб сизого бензинового дыма и с пробуксовкой рванула по разбитому дворовому асфальту, чудом разминувшись с чугунной оградой детской площадки.

Ночная трасса М-4 встретила их теплым, плотным ветром, пахнущим асфальтовой пылью, спелой амброзией и далеким Черным морем. За окнами мелькали силуэты тополей, редкие светящиеся мачты автозаправок и вереницы тяжелых дальнобойных фур с номерами со всей страны. В салоне машины царила смесь запахов дешевого табака, ароматизатора «Елочка» и волнующего ожидания неизвестности.

Около четырех утра они затормозили у круглосуточного придорожного кафе под Невинномысском, чтобы запра-

вить бак и дать передохнуть кипящему мотору «Лады». Макс ушел внутрь заправки добывать сосиски в тесте и растворимый кофе в пластиковых стаканчиках.

Артём и Соня остались стоять у капота, глядя на горизонт, где над бескрайней степью начинала разгораться тонкая, нежно-розовая полоса кавказского рассвета. Воздух в предгорьях был удивительно прозрачным, свежим, напоенным ароматами чабреца и холодной росы.

«Ну как ты, беглый пророк?», негромко спросила Соня, подходя к нему вплотную и пряча озябшие пальцы в глубокие карманы его старой джинсовой куртки.

«Странно», честно признался Артём, глядя на ее острый, тонкий профиль в лучах утренней зари. «У меня за спиной тридцать два года понятной, предсказуемой жизни. Была семья, была работа в баре, были какие-то иллюзии стабильности. Сейчас у меня нет ничего: ни дома, ни денег, кроме семидесяти тысяч на кредитной карте с диким процентом. Мой сын Даниил, наверное, презирает меня. За мной охотится майор Степанцов. Полный, абсолютный жизненный крах».

«Глупый ты, Воронин», Соня подняла на него глаза, и в их зеленой глубине блеснули такие яркие, теплые искры, что у Артёма перевернулось все внутри. «Ты только сейчас начинаешь жить по-настоящему. Стабильность: это иллюзия для мертвецов. Тебе больше не нужно притворяться хорошим мальчиком. Ты свободен. Свободен петь то, что чувствуешь.

Свободен любить без оглядки на чужие протоколы. Свободен быть собой».

Она приподнялась на носочках своих стоптанных ботинок, обняла его за шею обеими руками и прижалась своими губами к его губам.

Этот поцелуй не имел ничего общего с дежурной лаской уставших любовников. Это была вспышка сверхновой: горькая от крепкого кофе, сладкая от гранатовых зерен, жадная, яростная и спасительная одновременно. В нем слились воедино весь пережитый ночной страх, ярость восстания против серости, бешеное телесное влечение и то щемящее, пронзительное чувство родства душ, которое выпадает человеку, быть может, один раз за всю жизнь. Артём сжал ее талию, прижал ее хрупкое, горячее тело к себе, чувствуя, как сквозь тонкую ткань рубашки бьется ее сердце: часто, гулко, в унисон с его собственным.

Мир вокруг перестал существовать. Не было больше майора Степанцова, не было повесток, не было долгов: были только рассвет над степью, вкус ее губ и бесконечная глубина неба.

Когда они наконец разомкнули объятия, Соня тяжело дышала, ее зрачки были расширены на весь глаз.

«Вот за это стоит умереть. И за это стоит жить», прошептала она, утыкаясь носом в его ключицу. «Поехали дальше, мой бог. Впереди граница».

К полудню боевая «Лада» Макса вползла на Военно-Гру-

зинскую дорогу. Впереди вздымались исполинские, уходящие в облака скалы Дарьяльского ущелья. Бурный Терек ревел внизу, разбивая мутные серые волны о базальтовые валуны. Очередь на пропускной пункт Верхний Ларс растянулась на добрых полтора километра, но Макс, высунув в окно руку с татуировкой десантных войск, уверенно объехал пробку по обочине, подрулив прямо к шлагбауму нейтральной полосы.

Таможенный офицер с каменным лицом долго изучал загранпаспорт Артёма, то и дело сверяясь со служебным монитором в своей бронированной будке.

«Воронин Артём Сергеевич? Цель поездки в Грузию?»

«Творческая командировка, фольклорные исследования в области полифонического пения», не моргнув глазом заявила Соня с заднего сиденья, натянув самый невинный вид гимназистки отличницы.

Пограничник подозрительно прищурился, посмотрел на чехол с гитарой, на канистру с гранатовым соком, затем снова на монитор. На секунду Артёму показалось, что сейчас из динамиков взревет сирена и дорогу перекроют автоматчики.

ЩЕЛК.

Тяжелый штамп с датой звонко опустился на чистую страницу паспорта.

«Проезжайте. Не задерживайте движение».

Шлагбаум медленно пополз вверх. «Лада» дернулась, преодолела пограничный мост и выкатилась на нейтральную

территорию.

Артём обернулся и посмотрел назад сквозь пыльное заднее стекло: старая жизнь с ее унылыми хрущевками, протоколами допросов и ханжеским судом осталась позади, за каменной стеной Кавказских гор. Впереди расстилалась чужая, солнечная земля, неизвестность и весь огромный, манящий мир, который им суждено было покорить.

Поездка через Ставрополье и Кабардино-Балкарию запомнилась Артёму как непрерывная цепь дорожных приключений.

Под Пятигорском у баклажановой «Лады» Макса предательски засвистел ремень генератора, а датчик температуры охлаждающей жидкости зашкалил в красную зону. Машина чихнула, выстрелила клубом пара из-под капота и заглохла прямо напротив круглосуточного придорожного шашлычного павильона «У Карена».

Из павильона, привлеченный грохотом, неторопливо вышел сам хозяин: могучий, седовласый армянин в белоснежном фартуке, с шампуром сочного бараньего люля-кебаба в руке.

«Вай, дорогие, что за шум посреди ночи?», прогудел он, оглядывая дымящуюся машину. «Мотор кипит, девушки в очках ночью гуляют, парень с гитарой грустный, как осенний дождь в Ереване! А ну-ка открывайте капот, сейчас дядя Карен все починит!»

Пока Карен и Макс орудовали разводными ключами, щед-

ро заливая радиатор колодезной водой и перетягивая патрубки синей изолентой, Карен усадил Артёма и Соню за деревянный стол под виноградной лозой, поставил перед ними кувшин молодого домашнего вина, блюдо с пылающим мясом, свежую кинзу и лаваш:

«Кушайте, дети мои. В дорогу без еды нельзя. Куда путь держите?»

«В Грузию, дядя Карен», тихо ответила Соня, беря горячий лаваш. «От несправедливости бежим».

Карен внимательно посмотрел на Артёма, потом на Соню, покачал головой и положил свою тяжелую, горячую ладонь на плечо музыканта:

«Слушай меня, дорогой. Я тридцать лет людей кормлю. Всяких видел: генералов, бандитов, судей, коммерсантов. У всех глаза голодные, злые, будто они вечность собираются жить. А у вас глаза чистые. Береги эту девочку, парень. Если женщина готова ехать с тобой в ночь на кипящей „Ладе“: она твой ангел. Держи ее крепко и ничего не бойся. Тот, кто любит, всегда сильнее того, кто судит».

Эти простые слова старого шашлычника отозвались в сердце Артёма теплее любых философских трактатов. Когда машина была починена, Карен наотрез отказался брать деньги за ремонт и мясо, лишь сунул в руки Соне головку домашнего сыра сулугуни и перекрестил их вслед.

Перед самым Владикавказом дорога пошла круто вверх, запетляла среди лесистых склонов. В окнах открылись вели-

чественные панорамы: огни ночного города внизу казались россыпью золотых монет, брошенных на черное бархатное покрывало долины.

Макс крутил баранку, насвистывая мотив «Smoke on the Water», и периодически хлопал ладонью по приборной панели «Лады»:

«Держись, ласточка, еще сорок километров серпантина, и мы в другой стране. Артём, ты хоть понимаешь, что мы творим? Нас ведь объявят в розыск. Степанцов не успокоится, пока не нарисует нам участие в международном заговоре. Ты готов быть диссидентом?»

«Макс, я десять лет был образцовым гражданином», ответил Артём, глядя в боковое зеркало на удаляющиеся равнины. «Платил налоги, брал кредиты, улыбался начальникам, слушал нотации жены. И к чему это привело? К пустоте. Лучше быть беглым музыкантом с чистой совестью, чем примерным покойником при жизни».

Соня дремала на его плече, свернувшись калачиком на узком переднем сиденье. Ее рука во сне крепко сжимала его пальцы, словно боясь отпустить даже на секунду. Артём погладил ее рыжие кудри, чувствуя, как внутри разливается незнакомое, щемящее чувство абсолютной нежности и готовности защищать эту хрупкую бунтарку до последнего вздоха.

Вспоминая свои смены в баре «Ржавый гвоздь», Артём часто ловил себя на мысли, что ночной бар: это лучшая со-

циологическая лаборатория для изучения крушения человеческих связей. Туда приходили люди всех мастей: от молодых юристов в приталенных пиджаках до спивающихся преподавателей сопромата. И все они заказывали алкоголь по одной и той же причине: трезвому человеку невыносимо тяжело признаться в собственной уязвимости.

«Знаешь, Воронин», говорил ему постоянный клиент, грустный майор таможенной службы в отставке по имени Виктор Палыч, медленно потягивая виски со льдом. «Мы всю жизнь строим вокруг себя бетонные заборы. Забор на даче, забор в голове, забор в постели с собственной женой. Боимся, что кто-то увидит, как нам больно или как сильно мы хотим тепла. А потом за этим забором человек тихо умирает от удушья, и никто даже не замечает, что за оградой уже три года никто не живет».

Артём кивал, протирая бокалы вафельным полотенцем. Тогда он думал, что Виктор Палыч просто пьяный философ-неудачник. Но когда Катя захлопнула дверь их общей квартиры, забрав сына, Артём понял: он сам построил точно такой же забор, а теперь сидит за ним в полном одиночестве.

И тут на его пороге появилась Соня со своим карамельным сердцем и канистрой гранатового сока. Она не стала перелезать через забор. Она просто снесла его к чертовой матери своим смехом, своей наглостью и абсолютной верой в то, что жизнь стоит того, чтобы гореть в ней дотла.

Кубанские тени: Память о несбывшемся

Артём вспомнил свой самый первый концерт в далеком двенадцатом году. Это был подвал заброшенного завода измерительных приборов на улице Зиповской: сырой бетон, ржавые трубы, запах дешевого пива и старых усилителей «Венец». Ему было двадцать лет, в кармане звенела мелочь на пачку сигарет, а в груди клокотало такое количество нерастраченной ярости, что казалось: ударь по струнам чуть сильнее, и рухнут несущие балки здания.

Его отец, полковник танковых войск Сергей Николаевич Воронин, на концерт не пришел. Он вообще считал музыку блажью для дезертиров и тунеядцев.

«Настоящий мужчина должен носить погоны или строить мосты», говорил отец, аккуратно складывая армейскую газету «Красная звезда». «А лабать на гитаре перед патлатыми бездельниками: это позор фамилии. В тридцать лет оглянешься назад: ни выслуги лет, ни ведомственной квартиры, одни мозоли на пальцах».

Отец умер пять лет назад, так и не дождавшись, пока сын «поумнеет». И в глубине души Артёма всегда жила эта заноза: глухое, неизбывное чувство вины перед родителем, чьи ожидания он обманул.

Соня, слушая его ночную исповедь на кухне перед той самой старой клеенкой, лишь покачала головой:

«Твой отец защищал границы государства, Артём. А ты защищаешь границы человеческой души. Это гораздо опаснее и тяжелее. Государство дает форму, паек и пенсию. А

за защиту души платят травлей, непониманием и одиночеством. Но если бы все строили только танки и заборы, ради чего тогда вообще стоило бы жить?»

Она подошла к окну, посмотрела на темные громады девятиэтажек, спавших под душным кубанским небом:

«Посмотри на эти окна, Воронин. В каждом окне живут люди, которых родители учили быть удобными, послушными и незаметными. Их учили терпеть нелюбимую работу, терпеть холодную постель, терпеть убогую жизнь ради приличий. Мы разобьем эти стекла. Мы заставим их вспомнить, каково это: дышать полной грудью».

Краснодарский эпилог: Разговор перед прыжком в бездну

В полночь, пока Макс ковырялся в моторе своей боевой «Лады», натягивая ослабший ремень генератора, Артём и Соня стояли на балконе девятого этажа.

Перед ними расстилался ночной Краснодар: море желтых и оранжевых огней, уходящее к темной полосе поймы реки Кубани. Где-то вдали мерцали неоновые вывески торговых центров на улице Дзержинского, по мосту через реку лениво ползли огоньки дальнобойных фур.

«Знаешь, Воронин», тихо сказала Соня, опираясь локтями на ржавые перила балкона. «Большинство людей умирают задолго до того, как остановится их сердце. Они умирают в тот день, когда решают, что их мечты: это глупость, а правила приличия: это закон вселенной. Они соглашают-

ся на тусклую работу, соглашаются на равнодушный секс по субботам, соглашаются на вежливую ложь близким. А потом смотрят в зеркало в сорок лет и не могут вспомнить, куда делся тот огонь, который когда-то жег им ребра».

Артём подошел сзади, положил руки ей на талию. Ее тело было теплым, упругим, полным живой пульсирующей силы:

«Я был одним из них, Соня. Десять лет я аккуратно складывал рубашки, носил жене кофе в постель и боялся признаться себе, что задыхаюсь в этой стерильной чистоте. Если бы ты не пришла той ночью: я бы просто угас».

«Ты не угас бы, дурак», она повернулась в его объятиях, заглянула в глаза своими зелеными колдовскими омутами. «Твой огонь просто спал под слоем пепла. А я: всего лишь сквозняк, который раздул этот костер. Но теперь мы горим вместе. И этот пожар не потушит ни один майор».

Она прижалась своими губами к его губам: жадно, глубоко, отдавая все тепло своего юного бесстрашного сердца. В этот миг Артём понял: он оставляет позади не просто город и квартиру. Он оставляет позади свою прежнюю, робкую половину жизни.

Городские лабиринты: Перед рассветом

Утром накануне памятной ночи Артём шел через Сенной рынок Краснодара. Воздух звенел от криков торговок, аромата свежего укропа, соленых бочковых помидоров и жареных семечек.

Он остановился у прилавка с сухофруктами, где седой

адыг в каракулевой папахе аккуратно взвешивал на старых чашечных весах сушеный инжир и темный кубанский изюм.

«Слушай, парень», сказал старик, глядя на помятое лицо Артёма своими проницательными карими глазами. «Ты ходишь так, будто несешь на плечах мешок с речными камнями. Сбрось этот мешок. Человек не создан для того, чтобы быть вьючным ослом для чужих обид. Земля под ногами теплая, небо вверху синее: живи и радуйся, пока ноги носят».

Артём тогда лишь молча кивнул, сунув в карман кулек с сушеным инжиром. Но эти простые слова старого горца запали ему в память. Весь этот город: с его шумными базарами, душными трамваями, бесконечными очередями в МФЦ и усталыми лицами: казался ему гигантским муравейником, где муравьи забыли, зачем они вообще строят свой муравейник.

И когда Соня постучала в его дверь, он уже был внутренне готов к тому, чтобы сделать этот шаг. Шаг в неизвестность. Шаг навстречу ветру.

Краснодарские реликвии: Перед закрытием двери

Собирая чехол с гитарой, Артём бережно упаковывал свои старые педали эффектов.

Среди них был винтажный зеленый овердрайв Ibanez Tube Screamer восемьдесят пятого года выпуска: потертый, с облупившейся краской по углам, купленный им на барахолке у старого рокера за копейки еще в студенческие годы. Рядом лег тяжелый металлический блок фузза Electro-Harmonix

Big Muff, издававший тот самый утробный, сырой, скрежещущий саунд, который стал основой альбома «Чёрный Атлас».

«Ты берешь с собой эти железки?», Соня заглянула в комнату, держа в руках свернутый алый шелк.

«Это не просто железки, Соня», Артём щелкнул металлической кнопкой педали. «В этих конденсаторах и резисторах запечатаны десять лет моих ночных криков в пустых залах. Это мой голос. Без них я просто парень с деревяшкой».

Соня подошла, опустилась на колени рядом с ним, положила ладонь на его запястье:

«Твой голос: не в микросхемах, Воронин. Твой голос: в твоей грудной клетке. Но педали возьми. Мы заставим их выть так, что содрогнутся калифорнийские холмы».

Она оглядела пустую комнату: выцветшие обои с узором из серых колокольчиков, темный след на линолеуме, где десять лет стоял шкаф бывшей жены, сиротливый провод от люстры.

«Прощай, хрущевка», тихо сказала Соня, застегивая рюкзак. «Спасибо за то, что терпела наш грохот. Но теперь наш дом: вся эта планета».

Глава 6. Тбилисские балконы и чахохбили

Тбилиси встретил их пряным, дурманящим маревом полуденного зноя, в котором смешались ароматы жареного мяса, свежего тархуна, спелого инжира и древнего речного ила Куры.

Старая «Лада» Макса, исчерпав последние ресурсы выносливости отечественного автопрома, испустила прощальный клуб белого дыма и замерла на крутом мощеном подъеме в старинном районе Сололаки. Дальше машина ехать категорически отказалась.

«Все, приплыли», объявил Макс, с наслаждением глуша ревущий мотор. «Моя ласточка заслужила почетную пенсию. Дальше передвигаемся на общественном транспорте и силе духа».

Они сняли крошечную мансарду на последнем этаже покосившегося трехэтажного кирпичного дома с резным деревянным балконом, нависавшим прямо над крутым ущельем. Балкон был густо завит старой виноградной лозой, сквозь листья которой открывался открыточный вид на крепость Нарикала и черепичные крыши старого города. Хозяин мансарды, шестидесятилетний художник Зураб с пышными седыми усами и вечной сигаретой в углу рта, узнав, что Артём

музыкант, немедленно притащил из подвала двухлитровую глиняную бутыль кахетинского Саперави и глиняную миску с дымящимся чахохбили.

«Слушай, генацвале», громогласно провозгласил Зураб, разливая темно-рубиновое вино по стаканам. «В Тбилиси музыкант не может быть бездомным. Если человек играет на струнах от сердца, его дом: весь Кавказ. Пейте, кушайте, а вечером я познакомлю вас с правильными людьми».

Правильные люди собрались в полночь в древнем полуподвальном сводчатом винном погребе двенадцатого века, где в земляной пол были вкопаны огромные глиняные кувшины квеври. Там собралась колоритнейшая публика: молодые грузинские режиссеры, беглые русские айтишники, французские архитекторы и местная певица Нино с глазами цвета зрелого грецкого ореха.

Артём расчехлил свой Gibson. В каменных сводах погреба акустика оказалась феноменальной: каждый аккорд рождал глубокое, бархатное эхо, отдававшееся в вековых кирпичах. Соня постелила на деревянную бочку красный шелк, зажгла свечи. Когда они начали свой перформанс: Артём пел своим низким, сорванным голосом, а Соня читала манифест о священной свободе тела, погреб замер в священном благоговении.

Нино слушала, прижав ладони к груди. Когда отзвучал последний аккорд, каменный подвал взорвался яростными овациями. Зураб вытирал слезы пышным усом, а молодые тби-

лисские художники наперебой жали Артёму руки:

«Это невероятно, брат! В вашей музыке есть настоящая боль и настоящее воскресение! Вы должны ехать дальше, этот огонь должен услышать весь мир!»

Позже, глубокой ночью, Артём и Соня стояли на балконе своей мансарды. Город внизу мерцал миллионами золотых огней. Соня положила голову на плечо Артёма, обняв его за талию.

«У нас осталось ровно шестьсот долларов на двоих», тихо сказала она. «В Россию нам путь заказан: Макс звонил, Степанцов приходил к его матери с обыском. Мы официально вне закона».

«Значит, обратной дороги нет», Артём повернулся к ней, коснулся губами ее теплого виска. «Куда дальше, жрица?»

«В Стамбул», улыбнулась Соня в темноте. «Город четырех империй. Там сходятся все дороги беглецов».

Спуск по Военно-Грузинской дороге в сторону Тбилиси казался спуском в другую историческую эпоху. После суровых, обледенелых пиков Казбека, где на головокружительной высоте белел силуэт древней церкви в Гергети, долина реки Арагви встретила их ласковым, медовым теплом.

В доме у Зураба на резном балконе жизнь текла по собственным законам, не имеющим ничего общего с суетой внешнего мира. Его сестра, семидесятилетняя Дареджан с гордой осанкой царицы Тамары, лично учила Соню правильно лепить хинкали:

«Смотри, девочка с огненными волосами», приговаривала Дареджан, ловко собирая складки тонкого теста вокруг мясной начинки. «Меньше девятнадцати складок: это не хинкали, это просто пельмени для ленивых мужчин. А главное: не потерять бульон. Настоящая любовь, Софико: она как этот горячий бульон внутри. Если ты его прольешь от жадности или спешки, останется только сухое тесто. Мужчину надо кормить горячим, а целовать: так, чтобы у него из-под ног уходила земля».

Соня слушала с благоговением ученицы, перепачкав мукой кончик носа, и при этом умудрялась спорить с хозяйкой о сравнительной колористике фресок Джвари и полотен Матисса.

Артём тем временем сидел на ступеньках во внутреннем дворике, чистил струны гитары специальным спиртовым раствором и наблюдал за ней. В лучах заходящего тбилисского солнца, пробивавшихся сквозь виноградные листья, Соня казалась сотканной из золота и меди. В ней не было ни капли той нервной, затравленной городской тоски, которая так уродует людей в мегаполисах. Она была абсолютно естественной: в своей пыльной рубашке, босиком, с мукой на щеке, хохочущая над шутками старой грузинки.

На ночном концерте в погребе квеври случилось то, что Артём позже назвал «эффектом акустического катарсиса». Древние кирпичные своды подвала обладали уникальной способностью сглаживать любые резкие частоты, превращая

каждый гитарный аккорд в глубокий, органный гул. Когда Нино, местная певица с бархатным контральто, неожиданно подхватила мелодию Артёма старинным кахетинским распевом, в подвале наступила звенящая, благоговейная тишина.

Люди в зале: художники, беглецы, поэты: не аплодировали сразу. Они сидели, боясь шелохнуться, словно сквозь эту полуразрушенную кладку двенадцатого века в комнату ворвалось само дыхание вечности.

Позже, когда гости разошлись, Зураб налил Артёму последний стакан старого чачи из дубового бочонка:

«Слушай меня, Артём. Твой голос: это рана, которая поет. Не пытайся зашить эту рану. Мир полон сытых людей с зашитыми ранами, от них пахнет нафталином и аптекой. Пой так, будто каждый концерт: последний перед расстрелом. Тогда тебя не догонит ни один прокурор».

Вечернее тбилисское застолье затянулось до четырех утра и превратилось в полноценный философский симпозиум. Зураб, назначив себя тамадой, произносил тосты длительностью в двадцать минут каждый, в которых переплетались античная мифология, цитаты из Шота Руставели и яростная критика современного урбанизма.

«Послушай меня, Софико», гремел Зураб, поднимая рог, наполненный терпким вином. «Женщина: это солнце дома. Но если солнце заставить светить по расписанию через жалюзи, оно сожжет дом дотла. Ты горишь правильным огнем. Пей до дна, иначе вино обидится и превратится в уксус!»

Соня приняла вызов без малейших колебаний. Она выпила до дна, вытерла губы тыльной стороной ладони и, прищурив зеленые глаза, выдала ответный тост о том, что настоящая чувственность не терпит компромиссов:

«За то, чтобы мы никогда не соглашались на теплохладность! Если любить: то так, чтобы ломались кровати и трещали стереотипы! Если петь: то так, чтобы рушились тюремные стены!»

Грузинские художники взревели от восторга, застучали кулаками по столу, а Дареджан всплеснула руками:

«Вай, какая женщина! Артём, если ты ее упустишь, я лично прокляну все твои гитарные струны, и они будут рваться при каждой настройке!»

Артём смеялся, глядя на то, как Соня с абсолютной легкостью покоряет этот древний, темпераментный город. В ней была та редкая, сокрушительная внутренняя сила, которая притягивала к себе людей как мощный магнит. Рядом с ней невозможно было оставаться унылым или трусливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.